

В Перми появилось книжное издательство Hyle Press, специализирующееся на выпуске актуальной философии. «Вещь» уделяет большое внимание нестоличной литературе и культуртрегерским инициативам. Нетипичная специализация Hyle Press для журнала — попытка посмотреть на современную литературу глазами современной философии. В интервью «Вещь» издатели Дмитрий Вяткин и Яна Цырлина рассказали об опыте конструирования в провинции среды, ужасе и выходе в реальность.

— Как двум людям, живущим в Перми, пришла идея организовать философское издательство?

Яна Цырлина: Надо начать с того, что у нас с Дмитрием было соответствующее образование, мы специализировались на современной философии, совершали трип от Делёза к новым реалистам (Протеви, Каплану, Де Ланда) и дальше к спекулятивному реализму и новым онтологиям. Затем пришла идея своеобразного просветительского проекта, и мы организовали сначала «Летнюю» (2012-й) а потом две «Зимние» философские школы (2013-й и 2015-й). Просветительский проект подразумевал наличие какой-то литературы, и стало очевидно, что на русском языке эти философы практически не издавались. Большой объем философских работ просто не учитывался издателями, вероятно, потому, что эти книги были малоизвестны, хотя к тому времени движение «спекулятивных реалистов» распалось на несколько направлений, новые реалисты написали свои главные труды, Квентин Мейясу выступил с критикой корреляционизма, а Рэй Брасье поучаствовал в проекте «Нойз и Капитализм».

Дмитрий Вяткин: Тут надо немного сказать о роли случайностей и совпадений (за которыми, если отстраниться, всегда интересно наблюдать, в какой узор они складываются) в становлении нашего издательства — сама идея организовать издательство, специализирующееся на выпуске актуальной философии, пришла после разговора с американским объектно-ориентированным философом Грэмом Харманом, который любезно предложил нам издать его книгу на русском.

Яна Цырлина: Да, это был первый философ, которого мы издали. Можно сказать, что для Грэма все началось с Перми.

Дмитрий Вяткин: А для нас, стало быть, с Америки — хотя шутка может быть в том, что Россию обычно делят на Европу и Азию, но если подходить к этому не столько географически, сколько ментально или даже топологически, то надо полагать, что Урал — это и есть Северная Америка. Впрочем, в то время Грэм Харман преподавал в Американском университете в Каире, так что топология, в рамках которой возникло наше издательство, получается совсем странной.

Я хотел бы еще добавить об одной прагматичной составляющей предприятия. Работая в «Пиотровском», я с какого-то момента начал заказывать философскую литературу на английском языке — была, в общем, такая одержимость, сделать лучший философский отдел в России (что, кстати, удалось). И пока доллар стоил 35 рублей, цена книги в оригинале была более-менее приемлемая — от 500 до 1000 рублей. Примерно столько сейчас стоят изданные в России книги по гуманитарным наукам. Но после того, как курс доллара вырос, цены на англоязычные книги возросли в 2–2,5 раза. Получается, что сейчас перевод книги — это в том числе и ее перевод в другую экономическую реальность, делающий ее более доступной для русского читателя.

— Почему вы решили проводить философские школы в Перми? Разве здесь была интеллектуальная среда, которая готова была воспринимать идеи Хармана и других современных философов?

Дмитрий Вяткин: Нет, ее не было — в том смысле, в котором она подразумевает относительно автономную самовоспроизводящуюся сеть различных сообществ. Но изначально была идея того, что среда — это в некотором смысле вещь производимая и конструируе-

мая. Достаточно окликнуть ее элементы — философские школы и были такими событиями-окликаями, — и эти элементы сами опознают себя в качестве элементов среды. Впрочем, в этом было слишком много идеализма. Но, с другой стороны, если бы мы ориентировались на то, что есть, и пытались подстраиваться под это, ничего бы вообще не получилось.

Яна Цырлина: Мы решили рискнуть, и нам повезло, что в Москве, Питере, Бейруте и Иерусалиме нашлись заинтересованные люди, которые были настроены на участие в этой школе. Это, с одной стороны, был безумный проект, но с другой (как показало время) — очень правильный.

— С кем вы на тот момент общались? Это была академическая среда и посетители магазина «Пиотровский»?

Яна Цырлина: Был довольно узкий академический круг. В основном люди, которые занимались постдезианской философией.

Дмитрий Вяткин: А также люди, которые находились в маргинальном положении по отношению к академической среде.

Яна Цырлина: Но не только. Я попыталась соединить академическую и неакадемическую аудиторию. Переместить университетских преподавателей на открытую площадку «Пиотровского» и, наоборот, читателей философской литературы переместить в университетские аудитории. Получилось довольно интересно. На лекции Рэя Брасье в «Пиотровском» в первом ряду сидели пермские профессора, а на лекции Йоэля Регева в университет приходили галеристы и музыканты. Надо сказать, что до этого мы не были знакомы практически ни с кем из тех, кто сейчас каким-то образом связан с издательством в Перми.

— Хорошо, философские школы сформировали среду и вы придумали издательство. Но почему в эпоху электронных книг вы сделали ставку на принт?

Дмитрий Вяткин: Западная модель книгораспространения предполагает, что продаются три формата одной книги: электронный, в твердой и мягкой обложке. В России такая модель не работает, во-первых, в силу неразвитости рынка электронных книг, во-вторых, в силу снижающегося спроса на литературу (хотя в целом мире тенденция противоположная). Просто нет смысла дифференцировать предельный тираж в тысячу экземпляров на три различных потребительских потока — электронный, бумажный в мягкой обложке и в твердой. Ну и третье. Если воспринимать книгу как инструмент для работы с научным текстом, то бумажный формат будет предпочтительней. Например, важна система оставляемых читателем в книге маргиналий, пометок и отсылок, которая интуитивно — даже принимая в расчет возможность поиска по тексту в электронной книге — не будет столь удобна в электронном формате. Поэтому пока собираемся издавать книги исключительно в бумажном формате. К тому же это «допускает» в книгу множество микровариаций — в дизайне, версте, структуре, оформлении и т. д., которые приживаются или не приживаются в последующих изданиях. Например, мы обязательно оставляем в конце книги несколько пустых страниц — для заметок или для создания читателем собственной системы ссылок.

Яна Цырлина: Да, изначально мы решили выпускать небольшие по объему книги, чтобы они были недорогими. Книга воспринимается и как объект, и как транслятор одной куль-

турной ситуации в другую. С электронными книгами это вряд ли сработает. Если выходит книга (перевод с иностранного языка) — материальный объект, человек тактильно и визуально воспринимает ее как пришествие в русскую культуру какой-то другой культуры, как материальное соединение одного и другого, другого другого. Нереально проследить это в электронном виде, в глобальной сети.

— Вы вложили в издательство собственные средства? Не получили грант от минкульты или других институций?

Яна Цырлина: Да, мы вкладываем свои деньги.

Дмитрий Вяткин: Изначально мы решили, что сначала нужно что-то издать самим, прежде чем обращаться за поддержкой в виде грантов или проводить краудфандинговые компании. Чтобы книга окупалась, работаем по принципу small press. В нашем случае это означает, что мы не печатаем сразу весь тираж, а выпускаем, допустим, три книги небольшим тиражом, но одновременно. В итоге тратится столько же, сколько бы мы потратили на полный тираж одной книги — современные цифровые типографии практически «освобождают» книгу от зависимости «цена — количество экземпляров». Когда партия книг заканчивается, мы сразу же делаем допечатку. Такая модель позволяет оборачивать средства намного быстрее, чем если бы мы издавали по одной книге большим тиражом. Это же высвобождает средства на улучшение качества книг. Мы будем переходить на пухлую бумагу, более выверенные обложки, дизайн. Нам важна динамичность, чтобы читатель видел, что книги постоянно изменяются, улучшаются, и это происходит в реальном времени.

— В выходных данных можно прочесть, что ты, Дима, занимаешься еще и верстой книг, а Яна придумала логотип издательства. Смежные профессии вы по ходу дела осваиваете?

Дмитрий Вяткин: У нас — как в исландской соборной по футболу, в которой может, например, играть стоматолог, который в свободное от практики время работает почтальоном — тогда, когда не ухаживает за цветами в саду. Но если серьезно, то экономически мы бы не вытянули, если бы нанимали дизайнеров, верстальщиков, корректоров и редакторов со стороны. Вообще говоря, никто не вытягивает. В нашем же случае большая часть денег уходит на выкуп авторских прав, гонорары переводчикам и оплату печати.

— Вы продумывали систему дистрибуции книг? Как вы доставляете книги к читателю?

Яна Цырлина: Собираемся вступить в «Независимый альянс книгоиздателей России», наши книги продаются в независимых книжных магазинах страны.

Дмитрий Вяткин: Это не односторонняя поддержка, а взаимный интерес. Наши книги регулярно в топе продаж этих магазинов. Например, мы отправляем книгу «Динамика слизи» в количестве 40 экземпляров в один из московских книжных, но уже через несколько дней она оказывается распродана, и у нас просят еще. Сейчас наши книги продаются в 18 независимых магазинах по России, а до конца года мы планируем увеличить список до 20–25, охватив все независимые магазины страны.

— Как вы определили пул авторов, которых хотите перевести и издать?

Дмитрий Вяткин: Многие издательства не решаются публиковать новых авторов, предпочитая переводить и издавать до бесконечности одного и того же, так или иначе себя рекомендовавшего. Это приводит к довольно курьезной и зачастую экономически бессмысленной системе распределения символического капитала, сопряженной с войнами за его перераспределение. Итог — закупоривание и герметизация гуманитарного пространства. Например, года два назад была издана одна из основных книг Славоя Жижека — «Щекотливый субъект». Но она не вызвала особого резонанса, гуманитарная среда была уже перенасыщена его второстепенными публицистическими работами. Поэтому в отношении «спекулятивного реализма» очень важно издать все это достаточно быстро и без какого-либо нарциссизма, чтобы не превращать это в бесплодный процесс накопления символических сокровищ. Издать как можно больше — из экономических, но не символических соображений — одним потоком, чтобы заняться изданием чего-то другого — причем необязательно «актуального и современного».

— Это напоминает мне перестроечную стратегию издания русской религиозной философии. Ее тоже издавали потоком, а сейчас все эти «сокровища» пылятся на полках букинистических магазинов...

Дмитрий Вяткин: Нет, сейчас такого точно не будет, потому что тиражи книг несопоставимы. В начале девяностых философскую литературу могли еще издавать тиражами 25 тысяч экземпляров, что для сегодняшнего времени абсолютно нереалистично. Мы, например, издаем максимум тысячным тиражом. И потом, «спекулятивный реализм» все же «работает» с реальностью, хотя бы с той, что была травмирована потоком пресловутой русской религиозной философии. Как антидот. Так что тут определенно есть выход к реальности. Вопрос, конечно, к какой..

— А что у нас с реальностью не то? Почему мы должны в искать в нее выход?

Яна Цырлина: Вопрос как раз в самом выходе. Потому что, если пытаться анализировать переживание реальности, то практически у каждого она связана не только с чем-то приятным, но и с чем-то ужасным. То же можно сказать о пределе представления. И это порождает различные экзистенциалистские утопии. Но можно посмотреть на это не так прямолинейно, рассеянно, допуская, что вокруг происходит что-то темное, странное и непонятное и это не связано с нами. Это не религиозное переживание, не утрата в феноменальном мире, это, своего рода, взгляд на возвышенное воплощенное в «Alien» Ридли Скотта.

— То есть возможности познания ограничены?

Дмитрий Вяткин: Человек конечен, но доступ к реальности у конечного существа вполне может быть, если, допустим, сама реальность состоит исключительно из конечных сущностей. Тогда все эти сущности равны в своей конечности, но тогда же все они обладают — пусть и минимальным — доступом к реальности. Я признаю свою конечность перед лицом любого сущего; тем самым моя ограниченность, негативность, превращается в реальность, позитивность этого другого сущего; но это другое сущее также ограничено передо мной и любым другим сущим; следовательно, оно «возвращает» мне какую-то минимальную, но положенную всем сущностям часть реальности, позитивности. Такова демократия сущностей, или объектов. Здесь отнюдь не все безупречно, но это вкратце и есть скрытая стратегия обоснования возможности нашего непрямого доступа к реальности в объектно-ориентированных онтологиях и, в частности, в философии Грэма Хармана.

— Мы уже несколько раз упоминает в беседе имя Грэма Хармана. Вы не случайно стартовали с перевода книги этого философа?

Яна Цырлина: Да, книга «Четвероякий объект» — хорошее начало для знакомства с современной философией. В русской философской традиции объекты всегда были чем-то демоническим, чем-то, что угрожает человеку и его человеческой сущности. Наверное, стоит посмотреть на это как-то по-другому, бесчеловечно. Харман стал очень популярен, но в 2012-м, когда он приехал в Пермь, был удивлен той работой, которую мы проделали, материал ведь проявлял сопротивление: книги на английском, которые надо было как-то доставать и адаптировать к нашим условиям, определенная интеллектуальная изоляция. Я думаю, наша коллаборация с Грэмом свидетельствовала о происходящих переменах. Грэм начинал вне философских центров Парижа или Марбурга, он был в Чикаго. А в России чтобы вписаться в какую-то интеллектуальную ситуацию (например, западной философии) вдруг стало необязательным иметь посредника, расположенного в центре, ты мог действовать напрямую. И в этом нет ничего удивительного. Возможно, мы сможем сделать так, чтобы жесткая привязка к центрам была смещена в сторону.

— Почему до вас в России никто не решился перевести Хармана?

Дмитрий Вяткин: Думаю, что в силу инертности. Показательно также, что еще одну из ключевых работ «спекулятивного реализма» — «После конечности. Эссе о необходимости контингентности» Квентина Мейясу — издали в Екатеринбурге.

— Но ведь все интеллектуальные и экономические потоки сосредоточены в центрах. Получается, что в Москве и Питере есть среда, которая готова воспринимать актуальные идеи, и деньги, благодаря которым можно перевести и напечатать. Но и есть колоссальная инертность: легче издать десятого Жижека, чем вкладываться в продвижение Хармана. А на периферии нет ничего, кроме вашего энтузиазма.

Яна Цырлина: Я не думаю, что в Москве и Питере или еще где-то существует какая-то глобальная Среда. Хотя именно в центрах интеллектуальные тренды, выражаясь словами Дилана Тригга, обретают своего «воплощенного субъекта», то есть проживаются, переживаются и остаются в виде фантомных болей — именно так происходит с Жижеком. В провинции нет этой фантомной привязанности и, к счастью или несчастью, нет тяжести интеллектуальных слоев, нам легче обратиться к чему-то условно новому. Это аэрографическая, а не археологическая перспектива. Если же говорить о среде, то впечатление, что где-то сосредоточено множество людей, готовых воспринимать философию, не совсем верное. Сейчас говорят о моде на «спекулятивный реализм» и новые онтологии.

— Ты имеешь в виду моду на интеллектуальное времяпрепровождение? Когда в шесть вечера ты посещаешь лекцию о крафте, а потом слушаешь лекцию Хармана?

Яна Цырлина: Да, мода на определенные вещи, но наша задача — не в том, чтобы создать среду или моду, а в том, чтобы представить определенный тип знания, возможности, который он дает для понимания социальных и политических изменений, природы, искусства, и прочее. Я знаю, что наши книги немного «встряхнули» академическую жизнь в Перми, но, кроме того (и это важно), к их обсуждению мог подключиться каждый (что происходило, например, в рамках «Зимней философской школы»). Возможно, в итоге каким-то чудесным образом среда сложится как некий неоднозначный пазл.

Дмитрий Вяткин: Ну а с другой стороны, на лекции по Харману было бы объяснено, что сходить на лекцию по крафтовому пивоварению, а потом на Хармана — это равнозначные вещи. В этом, кажется, суть плоской онтологии.

— И это такая психотерапевтическая мысль для современного жителя мегаполиса? Что ты находишься в гармоничном мире, несмотря на пугающую реальность. Современная философия тебе говорит, что ужас — обратная сторона реальности?

Дмитрий Вяткин: Если мы возьмем идею плоскостности, то она, конечно, восходит к плану консистенции Делёза — все иерархические реальности вычтены или изъяты, и все пребывает на одном плане, который, в конечном счете, и задает правила распределения любых иерархий, низа и верха, глубины и высоты. Как, например, у Хармана, где человек, стрекоза и глобальное потепление — одинаково объекты, и, следовательно, рассматриваться они должны с точки зрения аксиоматики хармановских объектов, а не, скажем, того, что человек — высшее творение эволюции или бога. Отсюда и война с антропоцентризмом. Но ценой нахождения на этом плане является то, что если тут и есть «единство», то это единство через расхождение. Любой объект может вступить в связь с любым другим объектом именно потому, что это радикально различные объекты. Это убегающие друг от друга реальности, где дистанция является условием своего рода схождения без схождения, резонанса между сериями.

— Как четыре серии вашего издательства, которые сходятся в некой болевой точке реальности. Расскажите о них подробнее.

Дмитрий Вяткин: У нас несколько серий. Первая называется «Объектно-ориентированная мысль». Вторая — «Исследование ужаса». Третья — «Экспериментальный материализм». Четвертая — «По направлению к Делёзу».

Яна Цырлина: Названия серий говорят сами за себя, здесь нет ретроспективного контента, к счастью, мы не затворники Тодтнауберга и можем обращаться к будущему.

— Раньше философы работали с текстами Рильке, Пруста, Гельдерлина. А современные философы анализируют Лавкрафта.

Дмитрий Вяткин: А Пруст ценнее Лавкрафта?

— Думаю, да.

Дмитрий Вяткин: В отношении того, что они могут сообщить о реальности, эти авторы вполне равноценны.

Яна Цырлина: В некотором смысле, Лавкрафт сейчас выполняет ту же функцию, какую выполнял Пруст в начале XX века, прежде всего для философов.

Дмитрий Вяткин: В формулировке Хармана, Лавкрафт — Гельдерлин нашего времени. Если у Хайдеггера был Гельдерлин, то у современной философии есть Лавкрафт. Кстати, одним из первых, кто в философском контексте упоминал Лавкрафта, был Делёз в своей совместной с Гваттари книге «Тысяча плато». Потом уже его подхватили другие философы.

Яна Цырлина: Да, очевидно, что смещаются акценты лавкрафтианского ужаса. Ужас больше не принадлежит никому.

Дмитрий Вяткин: Не принадлежит субъекту, но является неким состоянием самой реальности, точнее, медиумом, или средним термином, который связывает субъекта с реальностью через предел — или невозможность к этой реальности прикоснуться. Невозможность, которая и оказывается в итоге сущностной характеристикой реальности.

Яна Цырлина: И слишком привязана к переживанию, к понятности. Как говорят в таком случае: с помощью ужаса мы открываем наше бытие. Чтобы ужас перестал быть механизмом упрощения реальности, философы обращаются к книгам Лавкрафта.

— Вы не боитесь издавать современную философию? Может быть, Грэм Харман и некоторые другие ваши авторы через несколько лет выпадут из актуального поля?

Яна Цырлина: Дело в том, что на самом деле философия, как сказал бы Лиотар, это нечто, что не подразумевает метарассказ. Если Грэма Хармана забудут, в этом нет ничего страшного. Харман в этом смысле — просто субъективность, чья возможность была задана философским контекстом, который однажды исчезнет. Хотя не думаю, что это случится скоро. Для философа важнее создать не систему представлений, а найти отношения, механизмы, имена, которые могли бы рассказать нам о реальности, возможно, существовавшей до человека, до человеческого времени и вообще до жизни на Земле.

Дмитрий Вяткин: У социолога науки Бруно Латура есть такой концептуальный персонаж Луи Пастер (возможно, отличающийся от реального Луи Пастера) — некий отсутствующий центр, связавший во второй половине XIX века между собой через посредство микробов различных ученых, фермеров, промышленников, врачей и гигиенистов, которые были заинтересованы в исследованиях Пастера. Но и наоборот, сплетение интересов этих групп породило Луи Пастера как известного нам Луи Пастера. У Латура Пастер — это такой полководец, чей военный гений, с одной стороны, не более чем эффект взаимного приложения различных сил и слабостей, а с другой — Пастер гениально стыкует эти воздействия. Совпадения одного с другим здесь подобны благодати.

Но важно, что всегда есть огромное количество анонимных акторов, которые действуют вне поля видимости той или иной фигуры, тем не менее эту фигуру питают и создают. И современная философия, куда больше напоминающая игру го, в которой важны силовые линии и альянсы, выстраиваемые равнозначными камнями, нежели шахматы с их иерархией фигур, в этом отношении кажется честнее прежней. Все знают Канта, но мало кто сможет назвать хотя бы 5 философов того времени, оказавших влияние на Канта, когда их были десятки. И Кант писал свои «Критики» не в абсолютной пустоте.

— Расскажите о планах вашего издательства.

Дмитрий Вяткин: В конце этого года — начале следующего мы планируем выпустить четыре книги. Сейчас готовится к изданию Дилан Тригг, его книга «Нечто. Феноменология ужасов» построена на стыке феноменологии и кинематографа Карпентера и Кроненберга.

Беседовал Юрий Куроптев